

Целостность личности: концептуальная модель

Наталия В. Гришина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

n.v.grishina@spbu.ru

Аннотация

Введение. Изменения современной реальности описываются в характеристиках ее неопределенности, изменчивости, сложности. Сложный и дифференцированный характер окружающей действительности является основным вызовом к поддержанию целостности личности. Целью статьи является описание и обоснование концептуальной модели целостности личности. **Целостность личности как ее системное свойство: возможности описания.** Целостность — высшая интегративная характеристика личности, которая относится к ее фундаментальным свойствам, вытекающим из системной природы личности. Обосновывается возможность выделения отдельных парциальных видов целостности при условии выбора ее релевантных единиц, сохраняющих свойства целостности. **Контекстуальный характер целостности.** Целостность личности наиболее явным образом проявляется в активности человека в разных формах жизнедеятельности и может быть описана через ее проявления в ситуационном и жизненном контекстах. Целостность человека как субъекта деятельности и субъекта жизни обеспечивается процессами саморегуляции и самодетерминации. Согласованность активности в ситуационном и жизненном контекстах обеспечивает согласованность высшего уровня. Высшим уровнем управления поведением человека, определяющим активность человека на разных уровнях жизнедеятельности, является ценностно-смысловая система. **Идентичность и аутентичность как формы проявления целостности личности.** Целостность как свойство системной природы личности не имеет собственного психологического содержания. В качестве психологических форм проявления

целостности рассматриваются идентичность и аутентичность личности как формы «собираания» личности. **Смысловые связи как основа образования идентичности и аутентичности.** В основе образования и поддержания идентичности и аутентичности личности – смысловые связи между отдельными психологическими образованиями личности, видами активности человека и сферами его жизненного пространства. **Обсуждение результатов.** Проведенный теоретический анализ проблемы целостности личности позволил предложить ее концептуальную модель, которая соединяет целостности, обеспечивающие согласованность отдельных форм жизнедеятельности в ситуационном и жизненном контекстах, и их интеграцию смысловой регуляцией, лежащей в основе идентичности и аутентичности как психологических проявлений целостности личности.

Ключевые слова

целостность, дифференциация, контекст, идентичность, аутентичность, смысловые связи, концептуальная модель

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00308.

Для цитирования

Гришина Н. В. (2025). Влияние начальных условий решения задачи на формирование рефлексивных петель в сетевом мышлении. *Российский психологический журнал*, 22(3), 57–77. <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.3.4>

Введение

Самой обсуждаемой темой социальных и гуманитарных наук последних десятилетий была тема изменений современного мира. Результатом этого обсуждения стало выделение ряда характеристик современной меняющейся реальности, среди которых наиболее часто упоминаются ее неопределенность, изменчивость и сложность..

Психология с ее обращенностью к изучению «изменяющегося человека в изменяющемся мире» столкнулась с необходимостью описания психологии современного человека в новых реалиях. Изменения современной реальности принципиально изменяют контекст жизнедеятельности человека и становятся вызовом к самым фундаментальным характеристикам личности – способности к изменениям, сохранению устойчивости и поддержанию целостности.

В фокусе внимания психологов в большей мере оказались неопределенность современного мира, обозначенная Д. А. Леонтьевым в качестве центральной

проблемы психологии личности (Леонтьев, 2018), и изменчивость личности (Гришина и др., 2021). Разработаны и в современной психологии активно используются методики, созданные для выявления возможностей изменчивости личности и ее способностей справляться с неопределенностью.

Тема сложности современной реальности и ее переживания современным человеком получила меньшее освещение в психологической науке, обсуждающей проблемы существования человека в современном мире. Неслучайно в фундаментальной монографии «Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен», изданной коллективом авторов под руководством А.Г. Асмолова (2018), именно вызовам сложности посвящено меньше всего работ. Вместе с тем необходимость справляться со сложностями этого мира является не менее значимой задачей, встающей перед современным человеком, а вызовы сложности обращены к самым фундаментальным основаниям личности.

Сложность системы или объекта традиционно определяется через сложность структуры, порождающую трудности понимания сложных объектов и взаимодействия с ними. Сложность современной реальности связана с ее разнообразием и дифференциацией, с множественностью миров существования человека.

Как известно, эволюционные процессы протекают в координатах развития и возрастающей дифференциации. При этом развитие человека как процесс трансформации личности становится вызовом к способности личности к изменениям и сохранению устойчивости, а растущая сложность мира и его дифференциация становятся вызовом к целостности личности. Если принять имеющуюся точку зрения, в соответствии с которой эволюция современного человека определяется уже не биологическими, но социокультурными процессами, то стремительность изменений реальности может иметь своим следствием ускорение и эволюционных тенденций, что приведет к еще большим вызовам к способности личности справляться с ними.

Целостность личности как ее системное свойство:

ВОЗМОЖНОСТИ ОПИСАНИЯ

Понятие целостности относится к общенаучным категориям, описание которой берет начало еще в науке Аристотеля. Целостность, по Аристотелю, объединяет структуру и функции организма в единое целое, означает единство и гармонию элементов организма (личности). Данное понимание целостности отражает ее природу и в этом значении присутствует в научном дискурсе различных областей знания.

Несмотря на длительную традицию существования понятия целостности, интерес к его разработке продолжает сохраняться и в современной науке. Современные подходы к описанию целостности характеризуются трансдисциплинарностью, дополняя философское понимание целостности ее раскрытием в различных

областях научного знания и искусстве. Развитие концепта целостности связано с расширением понимания сложноорганизованной природы человека и его отношений с окружающим миром, что способствует появлению новых ракурсов и в понимании целостности (см., например, Киященко, Сидорова, 2022).

Можно констатировать и усиление интереса к проблеме целостности в современной науке, что связано с особенностями изменяющейся реальности, нарастанием ее сложности и дифференциации, что становится вызовом к способности человека к поддержанию и сохранению целостности.

Растущая дифференциация является одним из векторов онтогенетического развития человека. Детально этот процесс описан в работах Л. И. Анцыферовой. Присущая младенческому возрасту первоначальная «диффузная одноуровневая целостность психического» претерпевает «расслоение, дифференциацию» на все более четко различающиеся «уровни, структуры, механизмы»; и этот «постоянно действующий механизм выделения новых частей целостной психологической системы требует формирования механизмов интеграции личностной системы, усиление действия которых — одна из центральных тенденций развития личности» (Анцыферова, 2006, с. 23–24). О нарастающей в процессе развития индивида дифференциации пишет и К. Левин: «Увеличивающаяся дифференциация означает, что увеличивается число частей человека, которые могут функционировать относительно независимо, т.е. увеличивается степень их независимости» (Левин, 2001, с. 284–285). Нарастающая дифференциация требует усиления интеграции «частей» человека, развития, по выражению Г. Олпорта, «внутренней упорядоченности» (Олпорт, 2002).

Однако личность не существует вне своего бытия в мире, и структура бытия человека описывается многообразием его связей и отношений с миром. Соответственно жизненное пространство человека, соединяющее его внутренний мир с реальностью, испытывает на себе влияние современной реальности, ее увеличивающейся дифференциации. Таким образом, нарастание сложности окружающего мира становится испытанием для целостности личности и ее интеграционных механизмов.

В соответствии с предложенным Л. И. Анцыферовой динамическим пониманием целостности она означает не просто сохранение устойчивости, «собранности» личности. Целостность развивает, «достраивает» себя до нового уровня, это постоянное «взращивание» субъектом своей личности (Анцыферова, 2006, с. 162). Результатом этого процесса становится появление все более объемных, более интегральных форм целостности, соответствующих развитию личности и расширению ее жизненного пространства.

Вместе с тем целостность личности как способ связи ее образований, «совладание» со сложностью внутреннего мира и мира жизни может обеспечиваться и за счет уменьшения этой сложности

В механизмы функционирования личности заложены возможности уменьшения дифференциации. Так, М. А. Холодная в анализе закономерностей изменения когнитивных функций на поздних стадиях онтогенеза отмечает появление стадии де-дифференциации на пути к централизации как мобилизации имеющихся ресурсов. Фактически то же происходит и с жизненным пространством человека – снижение активности в старших возрастах, сужение сфер активной деятельности, уменьшение связей с окружающим миром, по сути, означает тот же процесс де-дифференциации. Это примеры естественного процесса уменьшения сложности, связанного с ограничениями возможностей человека.

Однако человек и сам, осознанно или неосознанно, может прибегать к уменьшению сложности мира, в котором он живет. В известной гипотезе Лиотара об отношениях человека с окружающим миром говорится о тенденции к упрощению картины мира в условиях нарастания его сложности, то есть о том же процессе де-дифференциации: «человечество в ответ на рост неопределенности, сложности и разнообразия все более дифференцируется на людей, готовых воспринимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности» (Асмолов, 2018, с. 19). Ролло Мэй, описывая невротическую симптоматику, пишет о сужении мира человека «до размеров, с которыми он может справиться» (Мэй, 2013, с. 29). Речь идет об осознанном или неосознанном выборе стратегий уменьшения сложности, стратегий, направленных на уход от трудных ситуаций.

Этот выбор, однако, имеет серьезные психологические последствия для личности. В свое время экзистенциальный философ Кьеркегор писал о фундаментальном выборе, в который вовлекается вся личность в целом. И результат этого выбора выходит за рамки конкретной ситуации, имеет последствия для личности в целом: «делая выбор, она вся наполняется выбранным» (Кьеркегор, 1994, с. 234).

Сегодня последствия для личности выбора тех или иных стратегий отношений с жизнью имеют эмпирические обоснования. Л.И. Анцыферова отмечала: «Люди... уходящие от трудных ситуаций, прибегающие к механизмам психологической защиты, склонные к "идущему вниз социальному сравнению", воспринимают мир как источник опасностей, у них невысокая самооценка, а мировоззрение окрашено пессимизмом» (Анцыферова, 2006, с. 345).

Таким образом, стратегии, направленные на уменьшение сложности окружающего мира, доказательно рассматриваются в психологии как имеющие деструктивный характер и разрушительные последствия для личности.

Понимание конструктивных возможностей обеспечения целостности личности требует уточнения ее природы.

В психологии целостность личности связывается с гармонией различных сфер личности, их согласованностью, обеспечивающей внутреннее равновесие, с соответствием поведения человека его внутреннему миру.

Идеи холистического подхода – в противовес более простым поэлементным описаниям личности – развиваются В. Штерном (1911), К. Левином (1935), Г. Мюрреем

(1938) и др. еще на ранних этапах становления психологии личности (см. Magnusson & Torestad, 1993).

В рамках диспозициональной парадигмы целостность личности начинает рассматриваться с точки зрения взаимосвязи ее компонентов; преимущество данного подхода в возможности создания методик, позволяющих измерять целостность личности.

Исследования, описывающие целостность через связность личностных компонентов, преобладают в зарубежной психологии (Fournier, 2021, Beck et al., 2022; Rasool et al., 2022 и др.), что, в частности, отражается в широком использовании понятия когерентности, означающего степень, в которой психологические характеристики человека скоординированы и интегрированы (Fournier e.a., 2022). В 2022 году выходит специальный выпуск журнала *European Journal of Personality* под названием «По направлению к концептуализации и оценке когерентности и некогерентности личности» («Towards conceptualizing and assessing personality coherence and incoherence»), посвященный развитию подходов к описанию и измерению когерентности личности. Например, предлагается изучение когерентности личности на основе анализа «архитектуры личности», то есть общей структуры и динамики внутри-индивидуальных личностных систем, среди которых выделяются: 1) когерентность, основанная на убеждениях; 2) когерентность, основанная на целях; 3) когерентность, основанная на оценочных стандартах; 4) внутриспихическая когерентность (то есть согласованные функциональные взаимосвязи между системами личности); 5) феноменологическая когерентность (Cervone, 2022).

Усиление внимания к динамическим подходам в описании личности требует и новых подходов описания целостности. Примером такого решения является Динамическая модель личности, включающая (1) основание, или стабильную часть, личности; (2) изменчивость или вариативность личности; (3) «силу притяжения» в системе личности – скорость, с которой отклонения в системе сменяются возвращением к ее центру, отражающая способность личности к поддержанию баланса в системе (Sosnowska et al., 2020). Преимуществом данной модели является описание целостности личности как результата взаимодействия процессов стабильности/устойчивости и изменчивости.

В целом, описание концепта целостности в зарубежной психологии демонстрирует множественность его толкования, проявляющуюся в терминологических несоответствиях и существовании различных методологических подходов; в качестве операционализации концепта целостности наиболее часто используется понятие согласованности. Анализ использования концепта целостности в научном дискурсе позволяет выделить ряд тенденций и перспектив в его разработке: целесообразность описания целостности на разных уровнях личностной организации, необходимость обращения к контексту проявления

целостности, соединение этих описаний с феноменологическим подходом к пониманию целостности (Москвичева, Мамаева-Найлз, 2025).

В отечественной литературе понятие целостности личности также нельзя считать терминологически определенным: обычно целостность описывается через ее психологические проявления. При этом в качестве механизма поддержания целостности обычно рассматривается связность различных компонентов. Так, в работе А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова и А. В. Юревича отмечается, что «для психосоциального человека принцип целостности означает наличие корреляций между его установками (аттитюдами), отношениями и схемами действий» (Журавлев и др., 2013, с. 73). Данный подход — через оценку меры корреляций различных составляющих — используется в ряде работ (см. Капцов, 2018). Также можно упомянуть работы, посвященные отдельным формам проявления целостности, в частности, холистичности познавательных систем (Апанович, Знаков, Александров, 2017).

Понятие целостности относится к интегральным характеристикам личности, и, соответственно, разработка этого понятия сталкивается с трудностями, типичными для попыток описания интегральных понятий. В рамках традиционных структурно-функциональных подходов интегральные концепты часто определяются через составляющие компоненты.

Целостность личности относится к ее фундаментальным свойствам, вытекающим из системной природы личности. Существование личности как системы сопряжено с процессами изменчивости и стабилизации, совокупное действие которых обеспечивает целостность личности, что было предметом внимания в наших предыдущих разработках (Гришина, Костромина, 2021; Костромина, Гришина, 2024; Гришина, Костромина, 2024). Упомянутые процессы, как и принцип целостности, присущи всем системам: целостность является условием существования системы.

В соответствии с этим целостность (как и изменчивость и устойчивость) не является собственно психологическим свойством личности, это свойство ее системного характера. В равной степени это относится и к работе интеграционных механизмов, обеспечивающих согласованность частей системы и в конечном счете ее целостность. Если говорить не вообще о системах, но о человеке, то и здесь принцип целостности относится к любым его подсистемам, организменным и индивидуальным характеристикам.

Целостность — высшая интегративная характеристика личности, которая описывается интегративными понятиями и проявляется в интегративных феноменах. Традиционные подходы классической психологии личности сталкиваются с ключевой методологической проблемой — описанием личности как «расчленённой», что делает такие объяснения ошибочными и во многом тупиковыми. Это тем более очевидно, когда мы переходим к описанию «жизненной» проблематики. Человек вступает в отношения с реальностью и жизнью не отдельными психическими процессами и состояниями, но своими интегральными свойствами.

Изучение целостности личности как ее фундаментальной характеристики ставит задачу поиска единиц ее описания.

Возможность парциального изучения целостности отмечается в обсуждении проблемы целостности Л.И. Анцыферовой и К. Левином, который не просто допускает эту возможность, но даже и предостерегает от «тенденции делать эти целостности возможно более широкоохватными», отмечая, что «существуют целые всех ступеней динамического единства» (Левин, 2001, с. 114).

А. Р. Лурия, в связи с анализом творчества Л. С. Выготского, замечает, что любая наука вынуждена разлагать сложное явление на составляющие части и что именно Выготскому удалось найти ответ на вопрос о том, «на какие части можно разлагать сложное психическое целое, чтоб не потерять особенностей всего целого». Правильный ответ, который Лурия называет величайшей заслугой Выготского и его вкладом в психологическую науку, состоит в том, что сложные явления надо разлагать не на элементы, а на единицы (Лурия, 2002, с. 280). При этом «единица» сложного явления (в отличие от составных частей) должна сохранять все свойства целого (известной иллюстрацией этого является пример капли воды, сохраняющей все ее свойства, в отличие от «частей» формулы воды H_2O).

Интерпретация этого принципа применительно к описанию целостности означает, что она не должна раскладываться на составные части, но может изучаться на разных «порядках» ее проявления, сохраняющих общие свойства и природу целостности.

Контекстуальный характер целостности

В рамках развиваемых нами подходов к изучению личности для нас очевидным критерием выделения отдельных проявлений целостности является принцип контекстуального характера личностных феноменов.

Началом утверждения принципа контекстуальности в изучении психологических феноменов можно считать известную методологическую работу К. Левина «Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии». Принципиальные различия в этих подходах связаны именно с отношением к ситуационным условиям как факторам потенциального влияния на объекты. В соответствии с представлениями традиционной аристотелевской науки с ее ориентацией на описание объекта через присущие ему свойства «... для того, чтобы понять сущность объекта и присущую ему целенаправленность, необходимо как можно более полно исключить "влияние ситуации" и абстрагироваться от него». Таким образом, «чистота» изучения события (объекта) требует исключения влияния ситуации, в которой оно происходит. В противоположность этому Левин утверждает принцип контекстуальности, предполагающий «глубокое исследование именно ситуационных факторов», поскольку «лишь конкретная *целостная ситуация, включающая объект и его окружение, определяет те векторы*, которые детерминируют динамику того или иного события» (Левин, 2001, с. 75–76).

В психологии личности логика аристотелевского подхода лежит в основе теоретических описаний личности через совокупность присущих ей черт и характеристик. Ограниченность этого подхода проявилась в невозможности предсказания поведения человека в конкретных ситуациях его жизнедеятельности на основе знания его личностных особенностей. В 1970–1980-е гг. выходит ряд работ, аргументирующих это положение, главной из которой оказалась известная резонансная работа У. Мишела. Не менее важной работой этого десятилетия стала книга Л. Росса и Р. Нисбетта, посвященная развитию идей К. Левина (Росс, Нисбетт, 1999). Уже в 80-е годы появляются фундаментальные работы, посвященные психологии ситуаций (Argyle et al., 1981; Magnusson, 1981 и др.).

В современной психологии принцип контекстуальности в изучении личностной феноменологии приобретает новое звучание. Современный человек вступает в более активное и объемное взаимодействие с миром, с информационным пространством и виртуальной реальностью, что в том числе привело к замене понятия ситуации как основной единицы описания окружающего человека мира понятием контекста как отвечающего реалиям сегодняшнего дня. Кроме того, все более и более осознаются издержки деконтекстуализированного характера психологических исследований, в которых психологическая феноменология изучается «вне времени и пространства», вне контекста существования человека (Rauthmann et al., 2015; Geukes et al., 2017). Именно это методологическое ограничение в современной литературе рассматривается как основная проблема противоречивости получаемых в исследованиях эмпирических данных.

В соответствии с развиваемым нами процессуальным подходом к описанию личности и идеей уровневой структуры личностной феноменологии (Гришина и др., 2018) целостность личности может быть описана через ее контекстуальные проявления.

Целостность личности наиболее явным образом проявляется в поведении человека, в его активности в разных формах жизнедеятельности. В качестве основных контекстов жизнедеятельности человека выступают ситуационный контекст привычной повседневной деятельности и жизненный контекст, описываемой его жизненной ситуацией, обстоятельствами жизни, жизненными целями и планами.

Любые формы активности человека требуют согласованности его действий, обеспечения «единства действия». Привычные формы повседневной активности во многом построены на привычных паттернах поведения, однако и в этих случаях необходимо согласование условий стоящей задачи, компетенций человека и его мотивации. В основе этого согласования лежат процессы саморегуляции, а ее интегральным результатом является индивидуальный стиль деятельности.

В условиях жизненного контекста перед человеком возникает более сложная задача — согласование отдаленных и близких жизненных целей, жизненных стратегий и жизненных планов, возможностей, предоставляемых актуальной жизненной ситуацией, и т.д. В этом случае согласованность требует работы интегративных

механизмов «более высокого порядка» — процессов самодетерминации; устойчивые стратегии поведения человека в жизненном контексте образуют его жизненный стиль как интегральную характеристику отношений человека с жизнью. Благодаря работе интеграционных механизмов — процессов саморегуляции и самодетерминации — обеспечивается не просто согласованность, но целостность человека как субъекта деятельности и субъекта жизни.

Согласованность этих уровней обеспечивает *согласованность высшего уровня*, которая, в свою очередь, становится координирующим центром по отношению к функционированию более низших уровней. Лурия писал: «Генезис организованного человеческого поведения идет по пути развития и включения все новых регулятивных систем, которые преодолевают первичные формы поведения и переводят их ко все более новым и более совершенным системам организации» (Лурия, 2002, с. 27).

Разные контексты жизнедеятельности человека взаимосвязаны и объединены общим «вертикальным контуром» регулирования, общим центром, осуществляющим смысловую регуляцию активности человека. Именно ценностно-смысловая система является «высшим» уровнем управления поведения человека, определяющим активность человека на разных уровнях его жизнедеятельности. Именно этот «высший» уровень и обеспечивает целостность личности, интеграцию всех ее проявлений, «собрание» личности, ее «стяжение» (по выражению Л. Карсавина, 1992).

Идентичность и аутентичность как формы проявления целостности личности

Описание целостности личности — не просто согласованности и интеграции активности человека как субъекта деятельности и субъекта жизни в отдельных контекстах жизнедеятельности — требует поиска той личностной феноменологии, природа которой отвечает целостному характеру личности, ее «собранию» воедино.

Таковыми феноменами, на наш взгляд, являются феномены идентичности и аутентичности.

Тема идентичности не сходит с повестки дня психологии, что в значительной мере связано с тем, что идентичность относится к фундаментальным свойствам личности, а природа этих свойств всегда будет в центре исследовательского интереса.

Исследование идентичности имеет немалую историю в психологии. Наряду с классическим выделением персональной и социальной идентичностей описываются различные виды «частной» идентичности, особенности идентичности в современных условиях, кризисные проявления идентичности. Современное понимание идентичности отмечено влиянием общей тенденции перехода от структурных описаний личностной феноменологии к ее процессуально-динамическому описанию. Процессуально-динамический подход к идентичности приводит к отказу от традиционного различения личностной и социальной идентичностей. Как отмечает Е.П. Белинская, «сегодня традиционная дихотомия

“персональная идентичность vs социальная идентичность”, акцентировавшая структурные составляющие Я, фактически уходит в прошлое, в то время как современная идентичность все более понимается как постоянный процесс ее трансформаций, когда оба полюса (и социальная, и персональная идентичность) одновременно достраиваются человеком сообразно “внешне-внутренней диалектике” идентификаций» (Белинская, 2024, с. 7). При таком подходе сомнительным представляется и выделение отдельных, частных форм идентичности, тяготеющих к ее традиционному структурному пониманию.

Идентичность современного человека — это «живое», динамичное образование, «подтверждаемое» и «уточняемое» во взаимодействии с окружающей реальностью. Идентичность все более понимается как контекстуальный феномен. Два недавних выпуска авторитетного журнала «Identity» посвящены идентичности «в реальном времени» (“real-time identity”) (Real-time processes: Theories and methods (2021). Real-time processes: Empirical applications. (2022). Identity. An International Journal of Theory and Research).

Идентичность рассматривается как результат взаимодействия личности с контекстом, результат ее интеракций с микро- (семья, партнеры, школа, рабочее место) и макро- (социальный, культурный, политический и исторический) контекстуальными уровнями. Идентичность возникает из индивидуального повседневного опыта, мыслей, чувств, взаимодействий и поведения индивидов и относится к их усилиям по конструированию, поддержанию и уточнению своей идентичности. Все большую популярность приобретает понятие нарративной идентичности как более «чувствительной» к социокультурным контекстам.

Понимание идентичности как целостного динамичного образования полностью отвечает и пониманию целостности в процессуальном подходе, что позволяет рассматривать ее как форму проявления целостности.

Основанием для подобного понимания идентичности является то, что идентичность, как и целостность, — это «ответ» на сложность и дифференциацию жизненного пространства личности и ее внутреннего мира. Идентичность является формой самоопределения личности, преодолевающей множественность и неопределенность своего существования в многомерности современного мира. В сущности, она, как и целостность, есть форма «собирания», «стяжения» личности. На то, что идентичность способна поддерживать целостность, указывала в своей работе, посвященной кризису идентичности, еще Г. М. Андреева (Андреева, 2011). В своей трактовке мы рассматриваем идентичность не как одну из опор целостности, но как форму ее проявления.

В логике проводимого анализа в качестве еще одной формы проявления целостности личности выступает аутентичность, которая, как и идентичность, относится к самотождественности личности. И идентичность, и аутентичность принадлежат к одному и тому же проблемному полю «самособирания» личности, ее «стяжения», и тем самым являются формами поддержания и защиты целостности личности.

Различия между понятиями идентичности и аутентичности в том, что идентичность — это «самоопределение» личности относительно контекста жизнедеятельности, а аутентичность — относительно самой себя, это созвучие личности самой себе.

Тема аутентичности по своей популярности не уступает теме идентичности и также отличается разнообразием интерпретаций феномена аутентичности.

В частности, сохраняется неоднозначность в понимании природы феномена аутентичности — является аутентичность чертой личности или переживаемым состоянием. С.К. Нартова-Бочавер, автор серии исследований по проблемам аутентичности, попыталась синтезировать различные подходы в общей концепции, которую она обозначает как субъектную: «Аутентичность в рамках парадигмы субъектного подхода определяется как трансцендентная и адаптивная черта личности, обеспечивающая верность человека своей природе (индивидуальным качествам), пространственно-временным обстоятельствам своей жизни (средовым параметрам бытия), призванию и предназначению (экзистенциально- трансцендентным вызовам)» (Нартова-Бочавер, Корнеев, Бочавер, 2024, с. 24). В основных положениях субъектной концепции аутентичности Нартова-Бочавер отмечает динамичный, развивающийся характер аутентичности, придерживаясь, однако, диспозиционного подхода к ее пониманию, что нашло свое отражение в активной разработке ею психометрического инструмента для измерения идентичности.

В работах, интерпретирующих аутентичность как ощущаемое (переживаемое) человеком состояние, представлен феноменологический подход к ее интерпретации, отдающий приоритет субъективному опыту переживания человеком своей подлинности, чувству «быть самим собой». Данное понимание аутентичности в большей степени соответствует принципам динамического процессуального подхода, а также ближе к современному пониманию идентичности как динамичного образования, «уточняемого» во взаимодействии с окружающей реальностью.

Определения аутентичности, встречающиеся в литературе, подчеркивают способность человека «быть самим собой», «сохранять верность самому себе», ощущать гармонию и т.д. и очевидно страдают неопределенностью и неоднозначностью. Часть определений опирается на понятие подлинности, используемое экзистенциальной философией, а вслед за ней и гуманистической (К. Роджерс, А. Маслоу и др.) и экзистенциальной психологией. В соответствии с экзистенциальным подходом предполагается, что человек наделен стремлением к реализации своей подлинности, отождествляемой с его истинной природой, и то, в какой мере человеку удастся обрести свою подлинность, определяет его личностную зрелость.

При всех различиях в описании понятия аутентичности и многозначности существующих ее интерпретаций сохраняется ее понимание как интегральной характеристики личности, относящейся к ее целостности.

Прямые или косвенные подтверждения этому могут быть найдены в различных работах. Так, в работе Horwood et al. (2021) предпринята попытка придать динамичному и многозначному понятию аутентичности более строгие основания. С этой целью авторы вводят в описание феноменологии аутентичности концепт *realness*, который может быть переведен на русский язык как «истинность», «быть настоящим».

Аутентичность описывается как сложный конструкт, включающий два измерения — внутреннее и внешнее. Внутренние аспекты аутентичности включают психологические функции, которые обеспечивают аутентичное поведение, такие как самоосознанность, точность социального восприятия и способность к рефлексии. Внешнее измерение аутентичности описывается с помощью ее поведенческих проявлений, которые отражают вариативность аутентичности в социальных ситуациях. Эти два измерения аутентичности дополняются авторами концептом *Realness*, который является связующим звеном между ее внутренними и внешними аспектами (рис. 1). *Realness* рассматривается авторами как ключевая («ядерная») черта индивидуальных различий в аутентичности, она отражает то, в какой степени люди ведут себя в соответствии с тем, что они думают и чувствуют; в этом случае, как пишут авторы, они являются «настоящими». *Realness* — это относительно стабильная тенденция действовать и вести себя в соответствии со своими внутренними чувствами, без оглядки на возможные личные и социальные последствия, и рассматривается ими как ключевая («ядерная») черта индивидуальных различий в аутентичности. *Realness* отражает определенный уровень психологической зрелости человека и связана с такими показателями, как благополучие, ментальное здоровье, удовлетворяющие отношения.

Рисунок 1

Realness как ядро аутентичности (Horwood et al., 2021, p. 2)

Теоретическое описание *realness* как центрального компонента аутентичности было подвергнуто эмпирической верификации в серии эмпирических исследований авторов, подтвердивших ряд их гипотетических предположений. Авторы отмечают, что концепт *realness* был ими успешно верифицирован в проведенных ими эмпирических исследованиях (Hopwood et al., 2021).

Концептуальная модель аутентичности с центральным, связующим компонентом *realness*, на наш взгляд, соответствует нашей интерпретации аутентичности как формы связи внутренних психологических образований личности, «собирания» личности.

Следующим шагом в разработке подхода к пониманию целостности личности является поиск ответа на вопрос, какие механизмы лежат в основе «собирания» личности в идентичность и аутентичность.

Смысловые связи как основа образования идентичности и аутентичности

Результаты проведенных нами эмпирических исследований позволяют предположить, что в основе целостности личности, образования и поддержания идентичности и аутентичности лежат смысловые связи.

Предметом ряда наших исследований были целевые и ситуационные детерминанты активности человека, ближние и отдаленные цели человека, осмысленность его жизни, его жизненная позиция и аутентичность. Именно результаты исследований и привели к пониманию смысловых связей как оснований целостности личности.

Начало этих исследований было связано с разработкой проблем целевой регуляции поведения, в рамках которой задачи деятельности, жизненные цели и смыслы соотносились с контекстами жизнедеятельности человека (Гришина, 2023).

Дальнейшее исследование целевой регуляции поведения и контекстуального характера целей (N=350) подтвердило контекстуальный характер целей и то, что наличие или отсутствие значимых жизненных целей и степень выраженности целевой детерминации становится значимым, системообразующим фактором, определяющим отношения человека с окружающим миром (Гришина и др., 2023).

Результаты данного исследования определили фокус дальнейших исследований, направленных на выявление связей целевой регуляции активности человека с ее смысловыми параметрами.

В выполненном под нашим руководством исследовании Ч. Чжоу проверялась гипотеза о связи целей человека с осмысленностью жизни. Участниками исследования были представители российской и китайской культур (143 и 150 человек соответственно). Для российской части выборки осмысленность жизни оказалась связанной со значимостью жизненных целей и возможностями их достижения, для

китайской выборки — с готовностью к изменениям ради достижения своих целей, удовлетворенности жизнью, а также с ориентацией на семейные и традиционные ценности и близостью к родительской семье. При наличии этих различий главным результатом исследования стало подтверждение основной гипотезы исследования о контекстуальном характере целей и их связи с осмысленностью жизни (Чжоу, 2024).

Следующим шагом наших исследований стала проверка гипотезы о смысловых связях ближних и отдаленных целей человека, его повседневной активности и жизненных планов, жизненной позиции и аутентичности (realness) (исследование М. В. Виклейн). В исследовании принимали участие 110 человек. Результаты исследования показали, что аутентичность тесно связана со смысловой насыщенностью жизни ($R = 0,432$; $p < 0,01$). Более высокие показатели аутентичности также оказались связаны с более высокой активностью жизненной позиции и с чувством гармонии жизни. Реализация человеком в своей повседневной активности своих отдаленных целей дает ему чувство смысловой насыщенности жизни. Чем выше уровень целеполагания, тем выше гармония с жизнью, тем выше смысловая насыщенность жизни и тем выше способность быть собой как проявления аутентичности бытия (Виклейн, 2024; Виклейн, Гришина, 2024). Изучение аутентичности было продолжено в работе Е. В. Моховой (участники исследования — 102 человека), в которой были получены результаты, отражающие тесные связи аутентичности с показателями психологического благополучия, особенно с общим психологическим благополучием ($0,461^*$) и автономией как проявлением независимости мышления и поведения человека ($0,485^*$) (Мохова, 2025).

Результаты упомянутых исследований позволили уточнить понятие аутентичности и ее связь с интегральными параметрами описания личности, такими как осмысленность жизни, жизненная позиция и цели человека. Они не обеспечивают полной доказательности гипотезы о смысловых связях как основании образования идентичности и аутентичности, но позволяют рассматривать эту гипотезу как правдоподобную. Это позволяет предположить, что угроза целостности личности, ее идентичности и аутентичности — в разрушении смысловых связей. И, соответственно, защита и укрепление целостности — в усилении этих смысловых связей.

Обсуждение результатов

Целостность относится к фундаментальным свойствам природы личности и постоянно привлекает внимание все новых исследователей. Принцип целостности не только в понимании личности, но и в ее изучении, общепризнан в психологической науке. Несмотря на это, а также на то, что идея холистического подхода достаточно давно была сформулирована в психологии, описание природы целостности далеко от завершения.

Первоначально, в рамках десятилетиями доминировавшей в психологии диспозициональной парадигмы с ее акцентом на чертах личности, поиск

исследовательских решений идет по пути описания целостности как связности характеристик личности. Такой подход характерен для многих исследований в зарубежной психологии, и интерес к нему не утрачен и в настоящее время.

Всвязисэтим, однако, целесообразновспомнитьвысказываниеЛ.И. Анцыферовой относительно недопустимости решений, в основе которых «механистичность исследования личности через выделение разных ее черт и последующих поисков их взаимосвязи» (Анцыферова, 2006, с. 230). В своих работах ученый противопоставляет этому системный подход, получивший развитие в отечественной психологии.

В современной психологии личности с ее нарастающим вниманием к процессуально-динамическому пониманию природы личности целостность рассматривается как динамическое образование, результат согласованности процессов изменчивости и стабилизации.

Целостность – это системное свойство личности. При этом целостность (как и процессы изменчивости и стабилизации) относится к свойствам любой системы, соответственно сама по себе целостность не имеет психологического содержания.

Исследовательская задача состоит в том, чтобы, соблюдая логику системного подхода, найти способ описания целостности личности, отражающий ее системную природу.

В работах таких выдающихся методологов в области психологии личности, как К. Левин (2001) и Л.И. Анцыферова (2006), допускается возможность парциального изучения целостности, что требует выбора таких единиц ее описания, которые были бы доступны изучению, но отражали бы природу целостности.

В предложенной нами схеме описания целостности в качестве таких единиц предлагается описание частных видов целостности в контекстах жизнедеятельности человека. Тем самым подход к изучению целостности соединяется с принципом контекстуальной природы личностной феноменологии, признанным в современной психологии личности. Целостность личности наиболее явным образом проявляется в ее активности, в ее поведении и деятельности, требующих «единства действия», согласованности различных его компонентов. В соответствии с предложенным нами выделением ситуационного и жизненного контекстов целостность на уровне привычной деятельности ситуационного контекста (единицей описания которого является ситуация деятельности) обеспечивается процессами саморегуляции, на уровне жизненного контекста (включающего жизненные ситуации, жизненные цели и планы) – процессами самодетерминации. Как было указано выше, этими процессами обеспечивается эффективность жизнедеятельности человека как субъекта деятельности и субъекта жизни.

Эти парциальные виды целостности, однако, еще не означают целостность личности. Целостность личности связана с согласованностью разных уровней жизнедеятельности, ситуационного и жизненного контекстов. В качестве высшего «координационного центра» выступает ценностно-смысловая система, задающая основания и направленность различным видам активности человека.

Еще один важнейший тезис представляемого нами подхода к описанию целостности личности – это рассмотрение в качестве психологических феноменов проявления целостности личности идентичность и аутентичность. Именно эти феномены отвечают целостному характеру личности, ее «собираению» воедино.

Данные представления положены нами в основу концептуальной модели целостности личности (рис. 2).

Рисунок 2

Гипотетическая концептуальная модель целостности личности

Событийность жизни, ощущение ее смысловой наполненности обретается человеком в результате согласованности повседневной активности с жизненными целями личности, реализации этих жизненных целей и планов в повседневной жизни.

Преимущества предложенной модели, на наш взгляд, состоят в обосновании изучения целостности в соответствии с контекстами жизнедеятельности человека, в соединении феномена целостности с феноменологией идентичности и аутентичности, в возможности рассмотрения смысловых оснований жизнедеятельности человека через согласованность активности ситуационного и жизненного контекстов, «вписывание» повседневной активности в жизненные планы и цели человека.

Данная модель имеет гипотетический характер и выполняет эвристическую функцию, позволяющую обозначить пути дальнейших исследований, в частности поиск методических решений и создание методического инструментария, направленного на изучение согласованности активности человека в различных контекстах своего существования.

Выводы

Одной из ведущих тенденций изменений современной реальности является увеличение ее сложности, связанное с растущим разнообразием дифференциацией реальности, с множественностью миров существования человека, что становится вызовом к способности личности сохранять свою целостность.

Целостность личности — это свойство ее системного характера, отражающее способность личности обеспечивать согласованность ее образований, «собранность» личности в условиях дифференциации внутреннего мира и жизненного пространства личности.

На основе методологического обоснования возможности выделения парциальных проявлений целостности предлагается в качестве критерия их различения рассматривать принцип контекста — описания целостности в различных контекстах жизнедеятельности человека.

Целостность личности обеспечивается действием интеграционных механизмов — процессов саморегуляции в ситуационном контексте привычной деятельности и процессов самодетерминации в жизненном контексте. Целостность относится к высшим интегральным характеристикам личности, согласованность разных уровней ее активности обеспечивается ценностно-смысловой регуляцией как высшим уровнем регуляции.

В качестве психологических форм проявления целостности личности, ее «самособирания» предлагается рассматривать идентичность и аутентичность, связующим основанием которых выступают смыслы.

Предложенная на основании теоретических и эмпирических исследований концептуальная модель целостности позволяет наметить перспективы разработки методического инструментария по изучению целостности человека в различных контекстах жизнедеятельности.

Целью продолжения нашей работы является теоретическое и эмпирическое обоснование феномена целостности личности и ее способности сохранять устойчивость перед вызовами сложности современной жизни.

Литература

- Андреева, Г. М. (2011). К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 6 (20). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>

- Анцыферова, Л.И. (2006). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. Издательство «Институт психологии РАН».
- Апанович, В. В., Знаков, В. В., Александров, Ю. И. (2017). Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке. *Психологический журнал*, 38(5), 80–96. <https://doi.org/10.7868/S0205959217050075>
- Асмолов, А. Г. (2018). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. В А. Асмолов (ред.), *Mobilis in mobili: Личность в эпоху перемен* (с. 13–26). Издательский Дом ЯСК.
- Белинская, Е. П. (2024). Соотношение социальных и персональных идентичностей: современное состояние проблемы. *Социальная психология и общество*, 15(4), 5–11. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>
- Виклейн, М. В. (2024). *Смысловая функция целеполагания в повседневной активности. Магистерская диссертация*. СПбГУ.
- Виклейн, М. В., Гришина, Н. В. (2024). Смысловая функция целеполагания в повседневной активности. *Новые психологические исследования*, (2), 60–81. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_02_03
- Гришина, Н. В. (2023). Целевая регуляция поведения человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Гришина, Н. В. (2024). Идентичность как проявление целостности личности. *Социальная психология и общество*, 15(4), 12–24. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>
- Гришина, Н. В., Аванесян, М. О., Макарова, М. В., Мамаева-Наилз, В. Д. (2023). Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 6–28. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>
- Гришина, Н. В., Костромина, С. Н. (2021). Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности. *Психологический журнал*, 42(2), 5–17.
- Гришина, Н. В., Костромина, С. Н. (2024). Проблема целостности личности в работах Л. И. Анцыферовой: процессуальный подход. *Психологический журнал*, 45(5), 5–12.
- Журавлев, А. Л., Ушаков, Д. В., Юревич, А. В. (2013). Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть II. Концептуальные основания. *Психологический журнал*, 34(2), 70–86.
- Капцов, А. В. (2018). Оценка целостности психологической системы. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология»*, 24(2), 3–15.
- Карсавин, Л. П. (1992). О личности. В *Религиозно-философские сочинения* (Т. 1, вступ. ст. С. С. Хоружего, с. 324). Renaissance.
- Кьеркегор, С. (1994). *Наслаждение и долг*. Air Land.
- Костромина, С. Н., Гришина, Н. В. (2024). Целостность как фундаментальная категория в описании природы личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 14(3), 394–413. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024>.
- Левин, К. (2001). *Динамическая психология: избранные труды*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2018). Неопределенность как центральная проблема психологии личности. В А. Асмолов (ред.), *Mobilis in mobili: Личность в эпоху перемен* (с. 40–53). Издательский Дом ЯСК.
- Лурия, А. Р. (2002). *Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека*. Когито-Центр.
- Москвичева, Н. Л., Мамаева-Наилз, В. Д. (2024). Концепт «целостности» личности в современных зарубежных исследованиях: терминология и содержание понятия. *Новые психологические исследования*, (4), 62–90. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_04_03

- Мохова, Е. В. (2025). *Жизненная позиция как фактор психологического благополучия личности. Магистерская диссертация*. Москва: Московский институт психоанализа.
- Мэй, Р. (2023). *Свобода и судьба*. Москва.
- Нартова-Бочавер, С. К., Корнеев, А. А., Бочавер, К. А. (2024). Субъектная концепция аутентичной личности: обоснование и эмпирическая верификация. *Психологический журнал*, 45(5), 23–33.
- Олпорт, Г. (2002). *Становление личности*. Москва: Смысл.
- Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). *Человек и ситуация. Уроки социальной психологии*. Аспект Пресс.
- Самоизменения личности: Проблемы, модели, исследования. Коллективная монография. (2021). Н. В. Гришина, В. Р. Манукян, И. Р. Муртазина, М. О. Аванесян (авт.); Н. В. Гришина (ред.). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Киященко, Л. П., Сидорова, Т. А. (ред.). (2022). *Человек как открытая целостность: Монография*. Академиздат.
- Чжоу, Чж., Гришина, Н. В. (2023). Целевые детерминанты как факторы смыслообразования представителей русской и китайской культуры. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, (4), 56–70. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-4-56-70>
- Argyle, M., Furnham, A., & Graham, J. (1981). *Social Situations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beck, E. D., & Jackson, J. J. (2022). Idiographic personality coherence: A quasi experimental longitudinal ESM study. *European Journal of Personality*, 36(3), 391–412. <https://doi.org/10.1177/08902070221102274>
- Cervone, D. (2022). Five paths to personality coherence: Integrative implications of the Knowledge-and-Appraisal Personality Architecture. *European Journal of Personality*, 36(3), 319–346. <https://doi.org/10.1177/08902070221102273>
- Fournier, M. A. (2021). Integrative processes and personality coherence across levels of functioning. In R. W. Robins, R. C. Fraley, & R. Krueger (Eds.), *The Handbook of Personality Dynamics and Processes* (pp. 405–423). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-814816-0.00021-7>
- Fournier, M.A., Dong, M., Quitalosol, M.N., Weststrate, N.M., & DiDomenico, S.I. (2022). Components and correlates of personality coherence in action, agency, and authorship. *European Journal of Personality*, 36(3), 413–434. <https://doi.org/10.1177/08902070221102275>
- Geukes, K., Nestler, S., Hutteman, R., Küfner, A., & Back, M. (2017). Trait personality and state variability: Predicting individual differences in within- and cross-context fluctuations in affect, self-evaluations, and behavior in everyday life. *Journal of Research in Personality*, 69, 124–138. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.06.007>
- Hopwood, C., Good, E., Levendosky, A., Zimmermann, J., Dumat, D., Finkel, E., Eastwick, P., & Bleidorn, W. (2021). Realness is a core feature of authenticity. *Journal of Research in Personality*, 92, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2021.104119>
- Magnusson, D., & Torestad, B. (1993). A holistic view of personality: A model revisited. *Annual Review of Psychology*, 44(1), 427–452. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.002235>
- Magnusson, D. (Ed.). (1981). *Towards a Psychology of Situations: An Interactional Perspective*. Erlbaum.
- Rasool, A., Zhang, B., Dang, Q., & Lin, Y. (2022). Effects of self-stereotype on older adults' self-integrity through the intervening effects of sense of coherence and empathy. *Ageing & Society*, 1–18. <https://doi.org/10.1017/S0144686X22000412>
- Real-time processes: Theories and methods. (2021). *Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue*. Retrieved September 14, 2024, from <http://identityisri-org/identity-journal>

- Real-time processes: Empirical applications. (2022). *Identity. An International Journal of Theory and Research. Special Issue*. Retrieved September 14, 2024, from <http://identityisri.org/identity-journal>
- Rauthmann, J., Sherman, R., & Funder, D. (2015). Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality*, 29, 363–381. <https://doi.org/10.1002/per.1984>
- Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., & Hofmans, J. (2020). New directions in the conceptualization and assessment of personality – A dynamic systems approach. *European Journal of Personality*, 34(6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2255>

Поступила в редакцию: 14.05.2025

Поступила после рецензирования: 14.08.2025

Принята к публикации: 05.09.2025

Информация об авторе

Наталья Владимировна Гришина – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. Research ID F-8228-2015; SPIN-код 3225-0645; РИНЦ Author ID: 304269; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6763-7389>; e-mail n.v.grishina@spbu.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.